

НАДО И ВПРЕДЬ НЕУСТАННО ЗАБОТИТЬСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ МОРАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА ГРУЗИИ БЫЛА ЧИСТОЙ, КАК ВАШ ГОРНЫЙ ВОЗДУХ, А МОЛОДЕЖЬ ХОРОШО ЗНАЛА И ПРОДОЛЖАЛА ЛУЧШИЕ ТРАДИЦИИ СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ, САМООТВЕРЖЕННЫХ ТРУЖЕНИКОВ И БЕЗГРАНИЧНО ПРЕДАННЫХ РОДИНЕ ПАТРИОТОВ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

РОДИНА

Нодар ДУМБАДЗЕ

СЕЙЧАС я уже не помню, в каком это было классе — пятом или шестом.

— Думбадзе, встань и отвечай, что такое Родина? — вызвал меня учитель грузинского.

— Родина... Родина — это место, где я родился и...

— Еще? — спросил учитель. Я долго думал. — Садись, Думбадзе, — сказал он, не дожидаясь ответа.

— Не ставьте мне двойку. Я знаю, но сказать не умею, — попросил я учителя и заплакал: я был отличником, и мне полагалось знать все. Помню, учителю еле удалось меня успокоить. А потом он объяснил нам стихотворение Рафизла Эристави «Родина хевсура» и задал выучить его наизусть.

Много лет прошло с тех пор. Я с подчиненным солдатом стоял на границе. От соседнего государства нас отделял только маленький мостик.

— Вот ты стоишь с карабином в руках на страже такой огромной страны, что ты чувствуешь, что думаешь, и вообще, что такое, по-твоему, Родина? — спросил я вдруг солдата. — Только, бога ради, не отвечай заштампованными, высокопарными, стершими и фальшивыми словами. Скажи откровенно, что думаешь, — попросил я.

Он долго смотрел на противоположную сторону, потом повернулся ко мне и громко сказал:

— Какое счастье, товарищ лейтенант, что мы с вами родились по эту сторону мостика.

Человеческо делит ус-

ловно свою историю: до потопа и после потопа. У части послепотопного человечества, и, в частности, христиан, появилась новая метрическая выписка — период до рождения Христа и после. А у народов, населяющих одну шестую часть земли, которые на карте объединены магической надписью — СССР, есть совсем новая, собственная метрика, в которой отмечены периоды их существования до революции и после, или дата нового рождения.

Моей Родине, установление в моей республике — Грузии — Советского строя исполнилось шестьдесят лет, и моя жизнь входит в эту орбиту т. к. мне будет 53. С этими годами связана вся моя жизнь и жизнь нескольких поколений трудящихся республики: первая автомобильная дорога, первая доменная печь, первый химический комбинат, первая чайная фабрика, первая академия, первый высотный дом, первый троллейбус, первый телевизор, первый космонавт, вступление в комсомол, вступление в партию и еще так много «первого» связано для каждого из нас с Советской властью!.. Но если вести отсчет отсюда, то что же тогда делать с выставленными в музеях, созданными до нашей эры боевыми колесницами, ста-

леплавильными печами, хозяйственными орудиями, украшениями, керамикой, ванскими и армазскими захоронениями... Что делать со стройными полифоническими гимнами, песнопениями, фольклором, мифами, языком, азбукой, знаменем... С храмами и крепостями — что делать? С «Мравалжамиер» — что делать? Выходит, что Родина — такой бесконечный феномен, у которого нет возраста, как у матери, и она, как мать, вечна. Родина каждый день нас рождает, каждый день рождается для нас, а сама никогда не умирает, она бессмертна.

И, все-таки, что же такое Родина?

Может быть, и вправду, это — две строчки из стихотворения Рафизла Эристави: «Скалы Родины не променяю на рай чужой земли». Но зачем же он написал тогда такое большое стихотворение? Может быть, эти две строчки — только вывод, формула?

А, может быть, «Рассвет» Акакия Церетели — Родина? Или, может быть, песнь Важа Пшавела...

А, может быть, Родина — виноградная лоза? Присмотритесь, если лоза низкая, собирать ее нужно, встав на колени, если высокая — воздев руки вверх. И то и другое похоже на молитву. А что достойно молитвы

более, чем Родина?

С тех пор, как я себя помню, Родина — это больше заботы и боль, чем веселье и праздники. Можно ли все перечислить? Рождение первого социалистического государства и тут же интервенция, гражданская война, тиф, холера, чума. Отечественная война — помню, как перекрасили белый храм моей юности — университет в темный цвет, чтоб фашисты не заметили его с неба и не бомбили, и потом нескончаемое чувство голода..., помню, как шли сверстники — юноши и девушки на виселицы, прикрывали своими телами амбразуры, помню, «похоронки», а потом небольшие искорки надежды, первого пленного немца и первого в городе безногого, но вратившегося с фронта солдата.

Забыть это нельзя. Нет, просто невозможно забыть. Вспоминаются стихи Маяковского:

«Можно забыть,
где и когда
Пузы растил
и зобы,
Но землю,
с которой
вдвоем голодал,—
Нельзя
никогда
забыть!».

Но одно хорошо. Эти 60 лет были годами непрекращающейся борьбы, творческого горения, постоянного стремления к будущему, к необозримым вершинам, построения нового, годы невиданного оптимизма и неутолимого желания познать себя и мир. И такими заряженными, такими напряженными были эти 60 лет, что другой бы — ленивый — человек, наверное, растянул их... если не на 60 столетий, то, по крайней мере, на шесть.

И праздники тоже — Родина. Восемь переходящих Красных знамен за последние десять лет, всесоюзные республиканские премии. Многочисленные журналы, газеты, всемирное призна-

ние грузинского искусства — театра, кино, живописи, музыки и литературы... И это, конечно, тоже Родина.

И рядом с этими величественными достижениями — недостатки, такие позорные пятна, как воровство, взяточничество, спекуляция, рядом с торжеством справедливости тихая возня неверных. И борьба с ними — это тоже Родина.

Сколько мы за эти 60 лет пролили пота и крови, сколько мы за эти 60 лет построили. 60 летописцам за 60 лет не описать этого. Чего только стоит то, что мы вот уже 36 послевоенных лет живем под мирным небом... Разве это не Родина?

Что же еще Родина?

Когда посмотришь с высоты самолета вниз и увидишь огромные белые шапки Кавказского хребта, и подкатишь ком к горлу — это Родина.

Еще?

Еще: собака, кошка, теленок, цыпленок, арба, топор, земля — все, что возьмешь в руку и жалко бросить — вот это земля... Тбилиссские старые кварталы — за день не пройти улицу от начала до конца — столько друзей встретишь.

Что еще? Деревня, где не найдешь себе невесты потому, что все девушки тебе, как сестры, и невесту надо искать себе в другой деревне...

Видно Родина — все то, без чего невозможно жить.

— Остановитесь, пожалуйста, на минутку. Грузинской Советской Социалистической Республике исполнилось шестьдесят лет. Скажите, что вы чувствуете в эти минуты, и вообще, что такое Родина? — останавливаю на улице прохожего.

— Меня спрашиваете? — удивляется прохожий.

— Да, вас. Или, может быть, вы не знаете?

— Как не знаю? Но так сразу, не думая, на улице...

— Так неожиданно, не обдумывая, на улице.

— За Родичу можно умереть. Но сказать, что такое Родина, — невозможно, — отвечает он и быстрым шагом удалится.

— Может быть, ты мне скажешь, что такое Родина? — спрашиваю я у своей неизменной собеседницы — Бабушки.

— Если б я знала, сынок... Родина — это, наверное, жизнь, и потому уходят люди из этого мира, не насытившись жизнью, — отвечает она.

— В этом году вашей республике исполнилось 60 лет. Какими планами встретили эту знаменательную дату грузинские писатели? — спрашивают меня как председателя правления Союза писателей Грузии.

— Грузинские писатели на протяжении веков боролись за возрождение грузинских духовных сил, боролись со злом во всех его проявлениях — словом, книгой, если нужно было то и мечом. Грузинские писатели никогда не проводили границы между личным и общественным. В то же время они утверждали доверие, любовь, братство и мир между народами. Сегодня мы полны решимости сделать силу литературы еще действенной на благо и во имя величия своей Родины.

Перевел с грузинского В. ХАНУМЯН.

ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ
Г. ТБИЛИСИ

9 ИЮЛ 1981

125